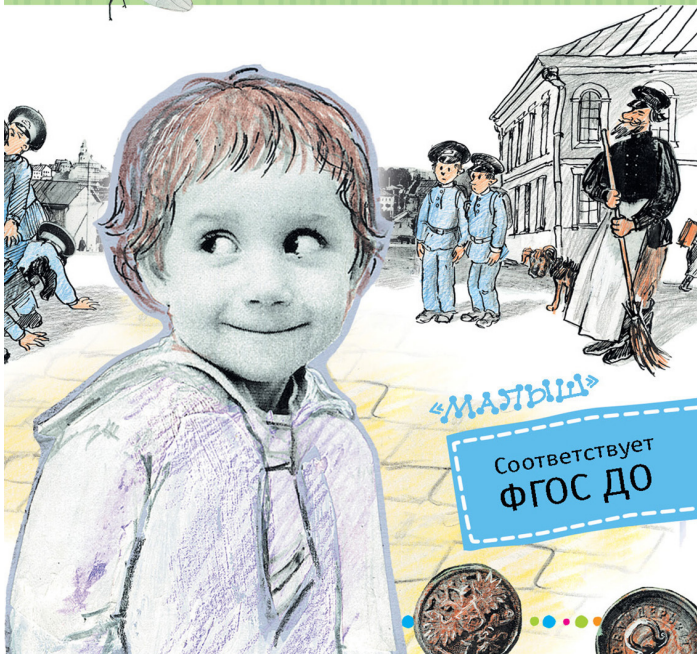

ДОШКОЛЬНОЕ
ЧТЕНИЕ

А. Аверченко
**Весёлые
рассказы
для детей**

«МАЛЫШ»

Соответствует
ФГОС ДО

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Весёлые рассказы для детей

Серия «Дошкольное чтение»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43624027

Весёлые рассказы для детей. [рассказы]: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-116081-4

Аннотация

Аркадий Аверченко, русский журналист и писатель-сатирик (1880–1925), знал, что дети бывают весьма неприятными существами, а не только ангелочками. И откуда в них берётся столько хитрости, жадности, коварства и умения ловко манипулировать, ведь они ещё маленькие? Про таких интересных детей, а также про методы их воспитания А.Аверченко написал множество рассказов. С некоторыми из них читатель познакомится в этой книге.

Для младшего школьного возраста.

Содержание

Экзаменационная задача	7
Индийская хитрость	19
Серёжкин рубль	30
Грабитель	49
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Аркадий Аверченко

Весёлые рассказы

для детей

© Ил., Власова А.Ю., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Экзаменационная задача

Когда учитель громко продиктовал задачу, все записали её, и учитель, вынув часы, заявил, что даёт на решение задачи двадцать минут, – Панталыкин провёл испещрённой чернильными пятнами ладонью по круглой головёнке и сказал сам себе:

– Если я не решу эту задачу – я погиб!..

У фантазёра и мечтателя Семёна Панталыкина была манера – преувеличивать все события, все жизненные явления и, вообще, смотреть на вещи чрезвычайно мрачно.

Встречал ли он мальчика больше себя ростом, мизантропического сурового мальчика обычного типа, который, выдвинув вперёд плечо и правую ногу и оглядевшись – нет ли кого поблизости, – ехидно спрашивал: «Ты чего задаёшься, говядина несчастная?», – Панталыкин бледнел и, видя уже своими духовными очами призрак витающей над ним смерти, тихо шептал:

– Я погиб.

Вызывал ли его к доске учитель, опрокидывал ли он дома на чистую скатерть стакан с чаем – он всегда говорил сам себе эту похоронную фразу:

– Я погиб.

Вся гибель кончалась парой затрещин в первом случае, двойкой – во втором и высылкой из-за чайного стола – в третьем.

Но так внушительно, так мрачно звучала эта похоронная фраза: «Я погиб», – что Семён Панталыкин всюду совал её.

Фраза, впрочем, была украдена из какого-то романа Майн-Рида, где герои, влезши на дерево по случаю наводнения и ожидая нападения индейцев – с одной стороны и острых когтей притаившегося в листве дерева ягуара – с другой, – все в один голос решили:

– Мы погибли.

Для более точной характеристики их положения необходимо указать, что в воде около дерева плавали кайманы, а одна сторона дерева дымилась, будучи подождённой молнией.

* * *

Приблизительно в таком же положении чувствовал себя Панталыкин Семён, когда ему не только подсунули чрезвычайно трудную задачу, но ещё дали на решение её всего-навсего двадцать минут.

Задача была следующая:

«Два крестьянина вышли одновременно из пункта А в пункт Б, причём один из них делал в час четыре версты, а другой пять. Спрашивается, на сколько один крестьянин придёт раньше другого в пункт Б, если второй вышел позже первого на четверть часа, а от пункта А до пункта Б такое же расстояние в верстах, – сколько получится, если два вино торговца продали третьему такое количество бочек вина, которое дало первому прибыли сто двадцать рублей, второму восемьдесят, а всего бочка вина приносит прибыли сорок рублей».

Прочтя эту задачу, Панталыкин Семён сказал сам себе:
– Таковую задачу в двадцать минут? Я погиб!

Потеряв минуты три на очинку карандаша и на наиболее точный перегиб листа линованной бумаги, на которой он собирался развернуть свои математические способности, Панталыкин Семён сделал над собой усилие и погрузился в обдумывание задачи.

Первым долгом ему пришла в голову мысль:

– Что это за крестьяне такие: «первый» и «второй»? Эта сухая номенклатура ничего не говорит ни его уму, ни его сердцу. Неужели нельзя было назвать крестьян простыми человеческими именами? Конечно, Иваном или Василием их можно и не называть (инстинктивно он чувствовал прозаичность, будничность этих имён), но почему бы их не окрестить – одного Вильямом, другого Рудольфом.

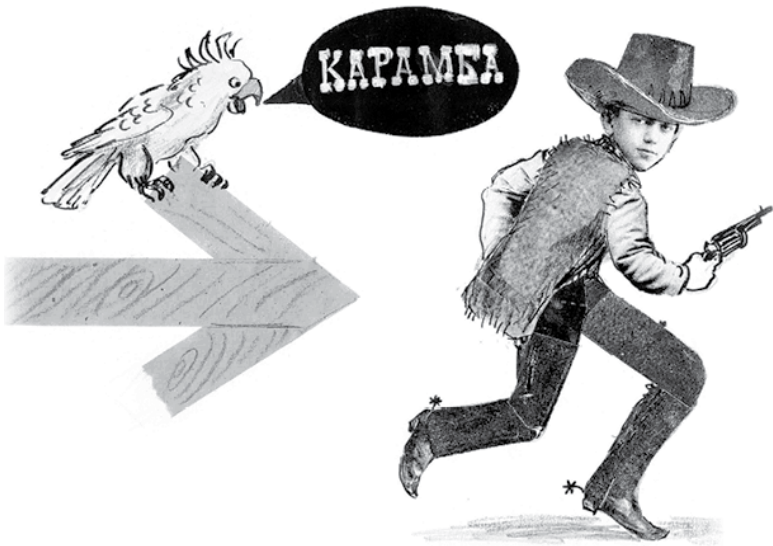
И сразу же, как только Панталыкин перекрестил «перво-

го» и «второго» в Рудольфа и Вильяма, оба сделали ему понятными и близкими. Он уже видел умственным взором белую полоску от шляпы, выделявшуюся на лбу Вильяма, лицо которого загорело от жгучих лучей солнца... А Рудольф представлялся ему широкоплечим мужественным человеком, одетым в синие парусиновые штаны и кожаную куртку из меха речного бобра.

И вот – шагают они оба, один на четверть часа впереди другого...

Панталыкину пришёл на ум такой вопрос:

– Знакомы ли они друг с другом, эти два мужественных пешехода? Вероятно, знакомы, если попали в одну и ту же задачу... Но если знакомы – почему они не стоворились идти вместе? Вместе, конечно, веселее, а что один делает в час на версту больше другого, то это вздор; более быстрый мог бы деликатно понемногу сдерживать свои широкие шаги, а медлительный мог бы и прибавить немного шагу. Кроме того, и безопаснее вдвоём идти – разбойники ли нападут или дикий зверь...

Возник ещё один интересный вопрос:

– Были у них ружья или нет.

Пускаясь в дорогу, лучше всего захватить ружья, которые даже в пункте Б могли бы пригодиться, в случае нападения городских бандитов – отрепья глухих кварталов.

Впрочем, может быть, пункт Б – маленький городок, где нет бандитов?...

Вот опять тоже – написали: пункт А, пункт Б... Что это за названия? Панталыкин Семён никак не может представить себе городов или сёл, в которых живут, борются и страдают люди, под сухими бездушными литерами. Почему не назвать один город Санта-Фе, а другой – Мельбурном?

И едва только пункт А получил название Санта-Фе, а пункт Б был преобразован в столицу Австралии, – как оба города сделались понятными и ясными... Улицы сразу за-

строились домами причудливой экзотической архитектуры, из труб пошёл дым, по тротуарам задвигались люди, а по мостовым забегали лошади, неся на своих спинах всадников – диких, приехавших в город за боевыми припасами, вакэро и испанцев, владельцев далеких гациенд...

Вот в какой город стремились оба пешехода – Рудольф и Вильям...

Очень жаль, что в задаче не упомянута цель их путешествия. Что случилось такое, что заставило их бросить свои дома и спешить, сломя голову, в этот страшный, наполненный пьяницами, карточными игроками и убийцами, Санта-Фе?

И ещё – интересный вопрос: почему Рудольф и Вильям не воспользовались лошадьми, а пошли пешком? Хотели ли они идти по следам, оставленным кавалькадой гверильясов, или просто прошлой ночью у их лошадей таинственным незнакомцем были перерезаны поджилки, дабы они не могли его преследовать, – его, знавшего тайну бриллиантов Красного Носорога?...

Всё это очень странно... То, что Рудольф вышел на четверть часа позже Вильяма, доказывает, что этот честный скваттер не особенно доверял Вильяму и в данном случае решил просто проследить этого сорви голову, к которому вот уже три дня подряд пробирается ночью на взмыленной лошади креол в плаще.

... Подперев ручонкой, измазанной в мелу и чернилах,

свою буйную, мечтательную, отуманенную образами, голову – сидит Панталыкин Семён.

И постепенно вся задача, весь её тайный смысл вырисовывается в его мозгу.

* * *

Задача:

...Солнце ещё не успело позолотить верхушек тамариндовых деревьев, ещё яркие тропические птицы дремали в своих гнёздах, ещё чёрные лебеди не выплывали из зарослей австралийской кувшинки и желтоцвета, – когда Вильям Блокер, головорез, наводивший панику на всё побережье Симпсон-Крика, крадучись шёл по еле заметной лесной тропинке... Делал он только четыре версты в час – более быстрой ходьбе мешала больная нога, подстреленная вчера его таинственным недругом, спрятавшимся за стволом широколиственной магнолии.

– Каррамба! – бормотал Вильям. – Если бы у старого Биля была сейчас его лошадёнка... Но... пусть меня разорвёт, если я не найду негодяя, подрезавшего ей поджилки. Не пройдёт и трёх лун!

А сзади него в это время крался, припадая к земле, скваттер Рудольф Каутерс, и его мужественные брови мрачно хмурились, когда он рассматривал, припав к земле, след сапога Вильяма, отчётливо отпечатанный на влажной траве австралийского леса.

– Я бы мог делать и пять вёрст в час (кстати, почему не «миль» или «ярдов?»), – шептал скваттер, – но я хочу выследить эту старую лисицу.

А Блокер уже услышал сзади себя шорох и, прыгнув за дерево, оказавшееся эвкалиптом, притаился...

Увидев ползшего по траве Рудольфа, он приложился и выстрелил.

И, схватившись рукой за грудь, перевернулся честный скваттер.

– Хо-хо! – захохотал Вильям. – Меткий выстрел. День не пропал даром, и Старый Биль доволен собой...

* * *

– Ну, двадцать минут прошло, – раздался, как гром в ясный погожий день, голос учителя арифметики. – Ну что, все

решили? Ну, ты, Панталыкин Семён, покажи: какой из крестьян первый пришёл в пункт Б.

И чуть не сказал бедный Панталыкин, что, конечно, в Санта-Фе первым пришёл негодяй Блокер, потому что скваттер Каутерс лежит с простреленной грудью и предсмертной мукой на лице, лежит, одинокий, в пустыне, в тени ядовитого австралийского «змеинового дерева»...

Но ничего этого не сказал он. Прохрипел только: «Не решил... не успел...».

И тут же увидел, как жирная двойка ехидной гадюкой зазмеилась в журнальной клеточке против его фамилии.

– Я погиб, – прошептал Панталыкин Семён. – На второй год остаюсь в классе. Отец выдерет, ружья не получу, «Вокруг Света» мама не выпишет...

И представилось Панталыкину, что сидит он на развалине «змеинового дерева»... Внизу бушует разлившаяся после дождя вода, в воде щелкают зубами кайманы, а в густой листве прячется ягуар, который скоро прыгнет на него, потому что огонь, охвативший дерево, уже подбирается к разъярённому зверю...

Я погиб!

Индийская хитрость

После звонка прошло уже минут десять, все уже давно сидели за партами, а учитель географии не являлся. Сладкая надежда стала закрадываться в сердца некоторых – именно тех, которые и не разворачивали вчера истрёпанные учебники географии... Сладкая надежда:

– А вдруг не придёт совсем.

Учитель пришёл на двенадцатой минуте.

Полосухин Иван вскочил, сморщил свою хитрую, как у лисицы, маленькую остроносую мордочку и воскликнул деланно испуганным голосом:

– Слава богу. Наконец-то вы пришли. А мы тут так беспокоились – не случилось ли с вами чего.

– Глупости. Что со мной случится...

– Отчего вы такой бледный, Алексан Ваныч?

– Не знаю... У меня бессонница.

– А к моему отцу раз таракан в ухо заполз.

– Ну и что же?

– Да ничего.

– При чём тут таракан?

– Я к тому, что он тоже две ночи не спал.

– Кто, таракан? – пошутил учитель.

Весь класс заискивающе засмеялся.

«Только бы не спросил, – подумали самые отчаянные бездельники, – а то можно смеяться хоть до вечера».

– Не таракан, а мой папаша, Алексан Ваныч. Мой папаша, Алексан Ваныч, три пуда одной рукой подымает.

– Передай ему мои искренние поздравления...

– Я ему советовал идти в борцы, а он не хочет. Вместо этого служит в банке директором – прямо смешно.

Так как учитель уже развернул журнал и разговор грозил иссякнуть, толстый (хохол) Нечипоренко решил «подбросить дров на огонь»:

– Я бы на вашем месте, Алексан Ваныч, объяснил этому

глупому Полосухину, что он сам не понимает, что говорит. Директор банка – это личность уважаемая, а борец в цирке...

– Нечипоренко, – сказал учитель, погрозив ему карандашом. – Это к делу не относится. Сиди и молчи.

Сидевший на задней скамейке Карташевич, парень с очень тугой головой, решил, что и ему нужно посторонним разговором оттянуть несколько минут.

Натужился и среди тишины молвил свои слова:

– Молчание – знак согласия.

– Что? – изумился учитель.

– Я говорю: молчание – знак согласия.

– Ну так что же?

– Да ничего.

– Ты это к чему сказал?

– Вы, Алексан Ваныч, сказали Нечипоренке «молчи». Я и говорю: «молчание – знак согласия».

– Очень кстати. Знаешь ли ты, Карташевич, когда придёт твоя очередь говорить?

– Гм, кхи, – закашлялся Карташевич.

– ...когда я спрошу у тебя урок. Хорошо?

Карташевич не видел в этом ничего хорошего, но принуждён был согласиться, сдерживая свой гудящий бас:

– Горожо.

– Карташевич через двух мальчиков перепрыгивает, – счёл уместным сообщить Нечипоренко.

– А мне это зачем знать?

– Не знаю... извините... Я думал, может, интересно...

– Вот что, Нечипоренко. Ты, брат, хитрый, но я ещё хитрее. Если ты скажешь ещё что-либо подобное, я напишу записку твоему отцу...

– «К отцу, весь издрогнув, малютка приник», – продекларировал невпопад Карташевич.

– Карташевич. Ступай приникни к печке. Вы сегодня с ума сошли, что ли? Дежурный! Что на сегодня готовили?

– Вятскую губернию.

– А-а... Хорошо-с. Прекрасная губерния. Ну... спросим мы... Кого бы нам спросить?

Он посмотрел на притихших учеников вопросительно. Конечно, ответить ему мог каждый, не задумываясь. Иванович посоветовал бы спросить Нечипоренку, Патваканов – Блимберга, Сураджев – Патваканова, а все вместе они искренно посоветовали бы вообще никого не спрашивать.

– Спросим мы...

Худошавый мечтательный Челноков поймал рассеянный взгляд учителя, опустил голову, но сейчас же поднял её и не менее рассеянно взглянул на учителя.

«Ого! – подумал он. – Глядит на Блимберга. А ну-ка, Блимберг, раскошелив...»

– Челноков.

Челноков бодро вскочил, захлопнул под партой какую-то книгу и сказал:

– Здесь.

– Ну? Неужели здесь? – изумился учитель. – Вот поразительно. А ну-ка, что ты нам скажешь о Вятской губернии?

– Кхе. Кха. Хррр...

– Что это с тобой? Ты кашляешь?

– Да, кашляю, – обрадовался Челноков.

– Бедненький... Ты, вероятно, простудился?

– Да... вероятно...

– Вероятно... Может быть, твоему здоровью угрожает опасность?

– Угрожает... – машинально ответил Челноков.

– Боже мой, какой ужас! Может быть, даже жизни угрожает опасность?

Челноков сделал жалобную гримасу и открыл было уже рот, но учитель опустил голову в журнал и сказал совершенно другим, прежним тоном:

– Ну-с... Расскажи нам, что тебе известно о Вятской губернии.

– Вятская губерния, – сказал Челноков, – отличается своими размерами. Это одна из самых больших губерний России... По своей площади она занимает место, равное... Мексике и штату Виргиния... Мексика одна из самых богатых и плодородных стран Америки, населена мексиканцами, которые ведут стычки и битвы с гверильясами. Последние иногда входят в соглашение с индейскими племенами шавниев гуронов, и горе тому мексиканцу, который...

– Постой, – сказал учитель, выглядывая из-за журнала. –

Где ты в Вятской губернии нашёл индейцев?

– Не в Вятской губернии, а в Мексике.

– А Мексика где?

– В Америке.

– А Вятская губерния?

– В... Рос... сии.

– Так ты мне о Вятской губернии и говори.

– Кгм... Почва Вятской губернии имеет мало чернозёму, климат там суровый, и потому хлебопашество идёт с трудом. Рожь, пшеница и овёс – вот что, главным образом, может произрастать в этой почве. Тут мы не встретим ни кактусов, ни алоэ, ни цепких лиан, которые, перекидываясь с дерева на дерево, образуют в девственных лесах непроходимую чащу, которую с трудом одолевает томагавк отважного пионера Дальнего Запада, который смело пробирается вперёд под немолчные крики обезьян и разноцветных попугаев, оглашающих воздух...

– Что?

– Оглашающих, я говорю, воздух.

– Кто и чем оглашает воздух?

– Попугаи... криками...

– Одного из них я слышу. К сожалению, о Вятской губернии он ничего не рассказывает.

– Я, Алексан Ваныч, о Вятской губернии и рассказываю...

Народонаселение Вятской губернии состоит из великороссов. Главное их занятие хлебопашество и охота. Охотятся за пушным зверем – волками, медведями и зайцами, потому что других зверей в Вятской губернии нет... Нет ни хитрых, гибких леопардов, ни ягуаров, ни громадных свирепых бизонов, которые целыми стадами спокойно пасутся в своих льяносах, пока меткая стрела индейца или пуля из карабина скваттэра...

– Кого-о?

– Скваттэра.

– Это что за кушанье?

– Это не кушанье, Алексан Ваныч, а такие... знаете... американские помещики...

– И они живут в Вятской губернии?

– Нет... я – к слову пришлось...

– Челноков, Челноков... Хотел я тебе поставить пятёрку, но – к слову пришлось, и поставлю двойку. Нечипоренко!

– Тут.

– Я тебя об этом не спрашиваю. Говори о Вятской губернии.

Нечипоренко побледнел, как смерть, и, по принятому обычаю, сказал о Вятской губернии:

– Кхе.

– Ну, – поощрил учитель.

И вдруг – все сердца ёкнули – в коридоре бешено прозве-

нел звонок на большую перемену.

– Экая жалость! – отчаянно вздохнул Нечипоренко. – А я хотел ответить урок на пятёрку. Как раз сегодня выучил...

– Это верно? – спросил учитель.

– Верно.

– Ну, так я тебе поставлю... тоже двойку, потому что ты отнял у меня полчаса.

Серёжкин рубль

Как его заработал

Звали этого маленького продувного человечка: Серёжка Морщинкин, но он сам был не особенно в этом уверен... Колебания его отражались даже на обложках истрёпанных тетрадок, на которых иногда было написано вкривь и вкось:

«Сергей Мортчинкин».

То:

«Сергей Мортчинкен».

Эта неустанная, суровая борьба с буквой «щ» не мешала Серёжке Морщинкину изредка писать стихи, вызывавшие изумление и ужас в тех лицах, которым эти стихи подсовывались.

Писались стихи по совершенно новому способу... Таковы, например, были Серёжкины знаменитые строфы о пожаре, устроенном соседской кухаркой:

До соседей вдруг донесся слух.
Что в доме номер три, в кух
Не, горел большой огонь,
Который едва-едва потушили.
Кухарку называли «дурой» милли

Он раз, чтобы она смотрела лучше.

За эти стихи Серёжкина мать оставила его без послеобеденного сладкого, отец сказал, что эти стихи позорят его седую голову, а дядя Ваня выразил мнение, что любая извозчичья лошадь написала бы не хуже.

Серёжка долго плакал в сенях за дверью, твёрдо решив убежать к индейцам, но через полчаса его хитрый, изобретательный умишко заработал в другом направлении... Он прокрался в детскую, заперся там и после долгой утомительной работы вышел, торжественно размахивая над головой какой-то бумажкой.

– Что это? – спросил дядя.

– Стихи.

– Твои? Хорошие?

– Да, это уж, брат, почище тех будут, – важно сказал Серёжка. – Самые лучшие стихи.

Дядя засмеялся.

– А ну, прочти-ка.

Серёжка взобрался с ногами на диван, принял позу, которую никто, кроме него, не нашёл бы удобной, и, сипло откашлявшись, прочёл:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая...

Ямщик сидит на облучке
В тулупе, синем кушачке...
Ему и больно, и смешно,
А мать грозит ему в окно.

– Гм... – сказал дядя. – Немного бестолково, но рифма хорошая. Может, списал откуда-нибудь?

– Уж сейчас и списал, – возразил Серёжка, ёрзая по дивану и пытаясь стать на голову. – На вас разве угодишь?

Дядя был в великолепном настроении. Он схватил Серёжку, перевернул его, привёл в обычное положение и сказал:

– Так как все поэты получают за стихи деньги, получай. Вот тебе рубль.

От восторга Серёжка даже побледнел.

– Это... мне? И я могу сделать, что хочу?

– Что тебе угодно. Хоть дом купи или пару лошадей.

В эту ночь Серёжке спалось очень плохо – рубль, суливший ему тысячи разных удовольствий и благ, будил хитроумного мальчишку несколько раз.

Сделка

Утром Серёжка встал чуть ли не на рассвете, хотя в гимназию нужно было идти только в девять часов. Выбрался он из дому в восьмом часу и долго бродил по улицам, обуреваемый смутными, но прекрасными мыслями...

Зайдя за угол, он вынул рубль, повертел его в руках и сказал сам себе:

– Интересно, сколько получится денег, если я его разменяю?

Зашёл в ближайшую лавочку. Разменял.

Действительно, по количеству – монет оказалась целая уйма – чуть ли не в семь раз больше... но качество их было очень низкое – маленькие, потертые монетки, совсем не напоминавшие большой, толстый, увесистый рубль.

– Скверные денежки, – решил Серёжка. – Их тут столько, что немудрено одну монетку и потерять... Разменяю-ка я их обратно.

Он зашёл в другую лавчонку с самым озабоченным видом.

– Разменяйте, пожалуйста, на целый рубль.

– Извольте-с.

Новая мысль озарила Серёжкину голову.

– А может... у вас бумажный есть?

– Рублёвок не имеется. Есть трёхрублёвки.

– Ну, дайте трёхрублёвку.

– Это за рубль-то! Проходите, молодой человек.

Опять в Серёжином кармане очутился толстый, тяжёлый рубль. Осмотрев его внимательно, Серёжка одобрительно кивнул головой:

– Даже лучше. Новее того. А много можно на него сделать: купить акварельных красок... или пойти два раза в цирк на французскую борьбу (при этой мысли Серёжка согнул правую руку и, наморщив брови, пощупал мускулы)... а то можно закупить пирожных и съесть их сразу, не вставая. Пусть

после будет болеть желудок – ничего – живёшь-то ведь один раз.

В это время кто-то сзади схватил Серёжку сильной рукой за затылок и так сжал его, что Серёжка взвизгнул.

– Смерть приготовишкам! – прорычал зловещий голос. – Смерть Морщинкину.

По голосу Серёжка сразу узнал третьеклассника Тарарыкина, первого силача третьего и даже четвёртого класса – драчуна и забияку, наводившего ужас на всех благомыслящих людей первых трёх классов.

– Пусти, Тарарыкин, – прохрипел Серёжка, беспомощно извиваясь в железной руке дикого Тарарыкина.

– Скажи: «пустите, дяденька».

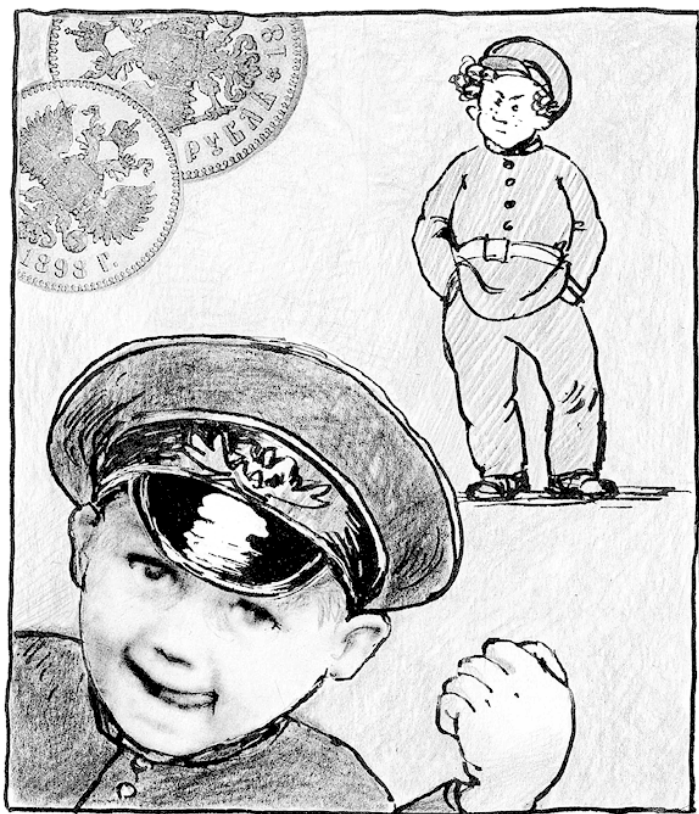
– Пустите, дяденька.

Удовлетворив таким образом своё неприхотливое честолюбие, Тарарыкин дёрнул Серёжку за ухо и отпустил его.

– Эх, ты – Морщинка – тараканья личинка. Хочешь так: ты ударь меня по спине, как хочешь, десять раз, а я тебя всего один раз. Идёт?

Но многодумная голова Серёжки работала уже в другом направлении. Необъятные радужные перспективы рисовались ему.

– Слушай, Тарарыкин, – сказал он после долгого раздумья. – Хочешь получить рубль?

– За что? – оживился вечно голодный прожорливый третьеклассник.

– За то, что я тебя нарочно для примера поколочу при всех на большой перемене.

– А тебе это зачем?

– Чтоб меня все боялись. Будут все говорить: раз он Тарарыкина вздул, значит, с малым связываться опасно. А ты получишь рубль... Можешь на борьбу пойти... красок купить коробку...

– Нет, я лучше пирогов куплю по три копейки тридцать три штуки.

– Как хочешь. Идёт?

В Тарарыкине боролись два чувства: самолюбие первого силача и желание получить рубль.

– Что ж, брат... А если я тебе поддамся, так меня уж всякий и будет колотить?

– Зачем? – возразил сообразительный Серёжка. – Ты других лупи по-прежнему. Только пусть я силачом буду. А пироги-то... Ведь ты их целый месяц есть будешь.

– Неделю. Эх, Морщинка – собачья начинка, соглашаться, что ли?

Серёжка вынул рубль и стал с искусственным равнодушием вертеть его в руках.

– Эх! – застонал Тарарыкин. – Пропадай моя славушка, до свиданья-с, моя силушка. Согласен.

И, размахнувшись, шлёпнул Серёжку ладонью по спине.

– Чего же ты дерёшься?

– Так ведь чудак же: это в последний раз. Потом уж ты

меня колошматить будешь.

И, утешившись таким образом, Тарарыкин спрятал рубль в карман старых, запятнанных чернилами всех цветов, брюк...

Драка

Ликующе прозвенел звонок на большую перемену, и широкая волна серых гимназических курточек и фуражек вылилась на громадный гимназический двор. Поднялся визг, крики и весёлая суматоха.

Честный юноша Тарарыкин выбрал группу учеников побольше, приблизился с самым невинным лицом и стал любоваться на состязание Мухина и Сивачёва, ухитрившихся подбрасывать мяч ногами, без помощи рук.

– Попробуй, Тарарыкин, – предложил Сивачёв. В это время юркий Серёжка Морщинкин пробрался между ног взрослых учеников, просунул свой нос вперёд и пропищал самым вызывающим образом:

– Куда этому Тарарышке прыгнуть – у него сейчас и ноги отвалятся.

– Ты-ы! – угрожающе зарычал Тарарыкин. – Знай, с кем говоришь! Котлету из тебя сделаю!

– Котлету! Ах ты, кухарка свинячья!

– Отойди лучше, Морщинка, – получишь по затылку!

– Очень я тебя боялся, – лихо захохотал Серёжка. – По-

пробуй-ка, тронь только!

– Да и трону, – проворчал Тарарыкин.

– А ну, тронь!

– А что ж ты думаешь – не трону?

Серёжка стал в боевую позу плечом к плечу с громадным Тарарыкиным и, задрав голову, сказал иронически:

– Тронь только – кто тебя у меня отнимать будет?

Кругом засмеялись.

– Ай да Морщинка! Смотри, Тарарыкин, не струсь!

– Ну, что ж ты, Тартарарыка, небось только на маленьких силач. До меня-то и дотронуться боишься.

– Я? Тебя? Боюсь? На ж тебе, получай!

Тарарыкин с силой размахнулся, но ударил по Серёжкиной груди так, что тот даже не пошатнулся.

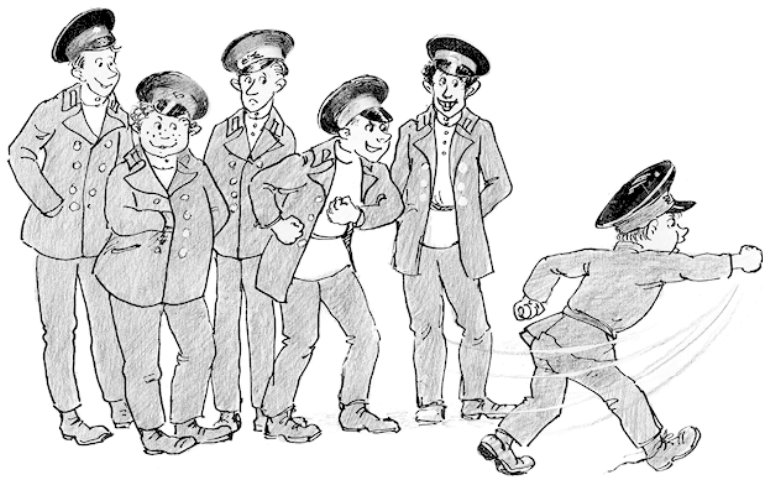
– Съел?

– Это, брат, мне ничего, а вот ты попробуй!

Серёжка взмахнул маленьким кулачком и – о чудо!

К ужасу и изумлению всех присутствующих, верзила Тарарыкин отлетел шагов на пять. Как всякий неопытный актёр, честный Тарарыкин «переиграл», но простодушная публика не заметила этого.

– Ого! Ай да Серёжка!

Тарарыкин с трудом встал, сделал преувеличенно страдальческое лицо и, держась за бок, захромал по направлению к Серёжке.

– А-а, так ты так-то!

– Да-с. Вот так! – нахально сказал Серёжка. – На-ка ещё, брат!

Вторым ударом он снова сбил хныкавшего Тарарыкина и, насевав на него, принялся обрабатывать толстую Тарарыкинскую спину своими кулачками.

Все были изумлены до чрезвычайности.

Когда избитый, стонущий Тарарыкин поднялся, все обступили его:

– Тарарыка, что это с тобой? Как ты ему поддался?

– Кто ж его знал, – отвечал добросовестный Тарарыкин. – Ведь это здоровяк, каких мало. У него кулаки – железо. Когда он меня свистнул первый раз, я думал, что ноги протяну.

– Больно?

– Попробуй-ка. Завяжись сам с ним. Ну его к богу. Я его теперь и не трону больше...

После победы

Тарарыкин честно заработал деньги. Серёжка сделался ге-

роем дня. Весть, что он поколотил Тарарыкина и что тот, как пригостишка, плакал (последнее было уже прибавлено восторженными поклонниками) – эта весть потрясла всех. Результаты Серёжкиного подвига не замедлили сказаться.

К упоённому славой Серёжке подошёл первоклассник Мелёшкин и принёс ему горькую жалобу:

– Морщинкин, Ильяшенко дерётся! Дай ему хорошенько, чтобы не заносился.

– Ладно! – нахмурился Серёжка. – Я это устрою. А что мне за это будет?

– Булку дам с ветчиной и четыре шоколадины в серебряной бумажке.

– Тащи.

Потом подошёл Португалов:

– Здравствуй, Серёжка. Сердишься?

– А то нет! Свинья ты! Жалко было цветных карандашей, что ли? Обожди! Попадёшься ты мне на нашей улице!

Португалов побледнел и, похлопав Серёжку по плечу, сказал:

– Ну, будет. Притащу завтра карандаши. Мне не жалко.

Три второклассника подошли вслед за Португаловым и попросили Серёжкиного разрешения пощупать его мускулы. Получили снисходительное разрешение. Пощупали руку, поудивлялись. Мускулов, собственно, не было, но товарищи были добрые, решили, что рука всё-таки твёрдая.

– Ты что, упражнялся? – спросил Серёжку Гукасов.

– Упражнялся, – сказал Серёжка.

В конце концов, он, опьянённый славой, и сам поверил в свою нечеловеческую силу.

Проходил второклассник Кочерыгин, уплетая булку с икрой.

– Стой! – крикнул Серёжка. – Отдай булку!

– Ишь ты какой! А я-то?

– Отдай, всё равно отниму!

Кочерыгин захныкал, но, вспомнив о Тарарыкине, вздохнул, откусил ещё кусочек булки и протянул её Серёжке.

– На, подавись!

– То-то. Ты смотри у меня. Я до вас тут до всех доберусь.

В это время проходил мимо Тарарыкин. Увидев Серёжку, он сделал преувеличенно испуганные глаза и в ужасе отскочил в сторону. Хотя вблизи никого не было, но он, как добросовестный недалёкий малый, считал своим долгом играть роль до конца.

– Боишься? – спросил заносчиво Серёжка.

– Ещё бы. Я и не знал, что ты такой здоровый.

И вдруг в Серёжкину беспокойную голову пришла безумная шальная мысль... А что, если Тарарыкин действительно против него не устоит? Этот крохотный мальчишка так был опьянён всеобщей честью и восторгом, что совершенно забылся, забыл об условии и решил пойти напролом... Насытившись славой, он пожалел о рубле, а так как руки его чувствовали себя железными, непобедимыми, то Серёжка со свойственной его характеру решимостью подскочил к Тарарыкину и, схватив его за пояс, сурово сказал:

– Отдавай рубль!

– Что ты! – удивился Тарарыкин. – Ведь мы же условились...

– Отдавай! Всё равно отниму!

– Ты? Ну, это, брат, во-первых, нечестно, а во-вторых – попробуй-ка.

На их спор собрались любопытные. Снова стали раздаваться комплименты по Серёжкиному адресу.

И, не раздумывая больше, Серёжка храбро устремился в

бой. Он подскочил, хватил изумлённого и огорчённого Тарарыкина по голове, потом ударил его в живот, но... Тарарыкин опомнился.

– Ты... вот как!

Через минуту Серёжка уже лежал на земле. Во рту чувствовалась что-то солёное, губа вспухла, зловещее красноватое пятно засияло под глазом; оно наливалось, темнело и постепенно переходило в синий цвет...

И рухнула эта жалкая, построенная на деньгах слава... Серёжка лежал, избитый, в пыли и прахе, а мстительный Кочерыгин, отдавший Серёжке булку, подскочил к Серёжке и дёрнул его за волосы; подошёл Португалов, ткнул его в спину кулаком и сказал:

– Вот тебе цветные карандаши. Поросёнок!

Уныло, печально возвращался хитроумный Серёжка домой; губа вспухла, щека вспухла; на лбу была царапина, рубль пропал бесследно, дома ожидала головомойка, настроение было отчаянное...

Он вошёл робкий, пряча лицо в носовой платок... он рассчитывал, проскользнув незаметно в свою комнату, улечься спать... Но в передней его ждал последний удар.

Дядя поймал его за руку и сердито сказал:

– Ты что же это, мошенник, обманул меня? Это твои стихи? Списал у Пушкина да и выдал за свои. Во-первых, за это ты всю неделю будешь сидеть дома – о цирке и зверинце забудь, а во-вторых – возврати-ка мне мой рубль.

Сердце Серёжки упало...

Грабитель

I

С переулка, около садовой калитки, через наш забор на меня смотрело молодое, розовое лицо – чёрные глаза не мигали, и усики забавно шевелились.

Я спросил:

– Чего тебе надо?

Он ухмыльнулся:

– Собственно говоря – ничего.

– Это наш сад, – деликатно намекнул я.

– Ты, значит, здешний мальчик?

– Да. А то какой же?

– Ну, как твоё здоровье? Как поживаешь?

Ничем не мог так польстить мне незнакомец, как этими вопросами. Я сразу почувствовал себя взрослым, с которым ведут серьёзный разговор.

– Благодарю вас, – солидно сказал я, роя ногой песок садовой дорожки. – Поясницу что-то поламывает. К дождю, что ли!..

Это вышло шикарно. Совсем как у тётки.

– Здорово, брат! Теперь ты мне скажи вот что: у тебя, кажется, должна быть сестра?

– А ты откуда знаешь?

– Ну, как же... У всякого порядочного мальчика должна быть сестра.

– А у Мотьки Нароновича нет! – возразил я.

– Так Мотька разве порядочный мальчик? – ловко отпарировал незнакомец. – Ты гораздо лучше.

Я не остался в долгу:

– У тебя красивая шляпа.

– Ага! Ключуло!

– Что ты говоришь?

– Я говорю: можешь ты представить себе человека, который спрыгнул бы с этой высоченной стены в сад?

– Ну, это, брат, невозможно.

– Так знай же, о юноша, что я берусь это сделать. Смотри-ка!

Если бы незнакомец не перенёс вопроса в область чистого спорта, к которому я всегда чувствовал род болезненной страсти, я, может быть, протестовал бы против такого бесцеремонного вторжения в наш сад.

Но спорт – это святое дело.

– Гоп! – И молодой человек, вскочив на верхушку стены, как птица, спорхнул ко мне с пятиаршинной высоты.

Это было так недостижимо для меня, что я даже не завидовал.

– Ну, здравствуй, отрочек. А что поделывает твоя сестра? Её, кажется, Лизой зовут?

– Откуда ты знаешь?

– По твоим глазам вижу.

Это меня поразило. Я плотно зажмурил глаза и сказал:

– А теперь?

Эксперимент удался, потому что незнакомец, повертевшись бесплодно, сознался:

– Теперь не вижу. Раз глаза закрыты, сам, брат, понимаешь. Ты во что тут играешь, в саду-то?

– В саду-то? В домик.

– Ну? Вот-то ловко! Покажи-ка мне твой домик.

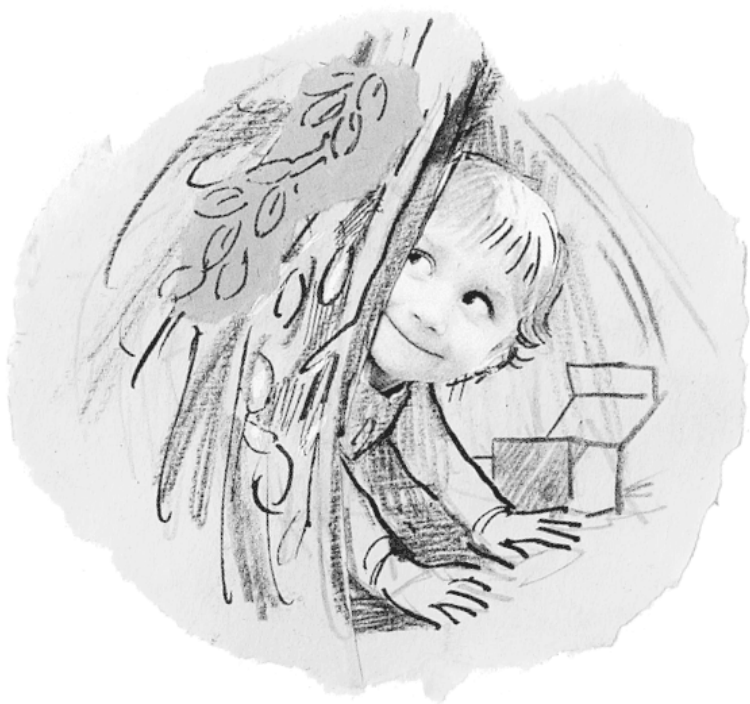
Я доверчиво повёл прыткого молодого человека к своему сооружению из нянькиных платков, камышовой палки и нескольких досок, но вдруг какой-то внутренний толчок остановил меня...

«О Господи, – подумал я. – А вдруг это какой-нибудь вор, который задумал ограбить мой домик и утащить всё то, что было скоплено таким трудом и лишениями: живая черепаха в коробочке, ручка от зонтика в виде собачьей головы, баночка с вареньем, камышовая палка и бумажный складной

фонарик».

– А зачем тебе? – угрюмо спросил я. – Я лучше пойду спрошу у мамы, можно ли тебе показать?

Он быстро, с некоторым испугом, схватил меня за руку.

– Ну, не надо, не надо, не надо! Не уходи от меня... Лучше не показывай своего домика, только не ходи к маме.

– Почему?

– Мне без тебя будет скучно.

– Ты, значит, ко мне пришёл?

– Конечно! Вот-то чудак! И ты ещё сомневался... Сестра

Лиза дома сейчас?

– Дома. А что?

– Ничего, ничего. Это что за стена? Ваш дом?

– Да... Вот то окно – папина кабинета.

– Пойдём-ка подальше, посидим на скамеечке.

– Да я не хочу. Что мы там будем делать?

– Я тебе что-нибудь расскажу...

– Ты загадки умеешь?

– Сколько угодно! Такие загадки, что ты ахнешь.

– Трудные?

– Да уж такие, что даже Лиза не отгадает. У неё сейчас никого нет?

– Никого. А вот отгадай ты загадку, – предложил я, ведя его за руку в укромный уголок сада. – «В одном бочонке два пива – жёлтое и белое». Что это такое?

– Гм! – задумчиво сказал молодой человек. – Вот так штука! Не яйцо ли это будет?

– Яйцо...

На моём лице он ясно увидел недовольство, разочарование: я не привык, чтобы мои загадки так легко разгадывались.

– Ну, ничего, – успокоил меня незнакомец. – Загадай-ка

мне ещё загадку, авось я и не отгадаю.

– Ну, вот отгадай: «Семьдесят одёжек, и все без застёжек».

Он наморщил лоб и погрузился в задумчивость.

– Шуба?

– Нет-с, не шуба-с!..

– Собака?

– Почему собака? – удивился я его бестолковости. – Где же это у собаки семьдесят одёжек?

– Ну, если её, – смущенно сказал молодой человек, – в семьдесят шкур зашьют.

– Для чего? – безжалостно улыбаясь, допрашивал я.

– Ну, мало ли... Если, скажем, хозяин чужак.

– Нет, это ты, брат, не отгадал!

II

После этого он понёс совершеннейшую чушь, которая доставила мне глубокое удовольствие:

– Велосипед? Море? Зонтик? Дождик?

– Эх, ты! – снисходительно сказал я. – Это кочан капусты.

– А ведь в самом деле! – восторженно крикнул молодой человек. – Это замечательно! И как это я раньше не догадался. А я-то думаю: море? Нет, не море... Зонтик? Нет, не похоже. Вот-то продувной братец у Лизы! Кстати, она сейчас в своей комнате, да?

– В своей.

– Одна?

– Одна. Ну, что ж ты... Загадку-то!

– Ага! Загадку? Гм... Какую же, братец, тебе загадку? Разве эту: «Два конца, два кольца, а посередине гвоздик».

Я с сожалением оглядел моего собеседника: загадка была пошлейшая, элементарнейшая, затасканная и избитая.

Но внутренняя деликатность подсказала мне не отгадывать её сразу.

– Что же это такое? – задумчиво промолвил я. – Вешалка?

– Какая же вешалка, если посередине гвоздик? – вяло возразил он, думая о чём-то другом.

– Ну, её же прибили к стене, чтобы держалась.

– А два конца, где они?

– Костыли? – лукаво спросил я и вдруг крикнул с невыносимой гордостью: – Ножницы!!!

– Вот, чёрт возьми! Догадался-таки! Ну, и ловкач же ты!

А сестра Лиза отгадала бы эту загадку?

– Я думаю, отгадала бы. Она очень умная.

– И красивая, добавь. Кстати, у неё есть какие-нибудь знакомые?

– Есть. Эльза Либкнехт, Милочка Одинцова, Надя...

– Нет, а мужчины-то. Есть?

– Есть. Один тут к нам ходит.

– Зачем же он ходит?

– Он?

В задумчивости я опустил голову, и взгляд мой упал на щегольские лакированные ботинки незнакомца. Я пришёл в восхищение:

– Сколько стоят?

– Пятнадцать рублей. Зачем же он ходит, а? Что ему нужно?

– Он, кажется, замуж хочет за Лизу. Ему уже пора, он старый. А эти банты – завязываются или так уже куплены?

– Завязываются. Ну, а Лиза хочет за него замуж?

– Согни-ка ногу... Почему они не скрипят? Значит, не новые, – критически сказал я. – У кучера Матвея были новые, так небось скрипели. Ты бы их смазал чем-нибудь.

– Хорошо, смажу. Ты мне скажи, отроче, а Лизе хочется за него замуж?

Я вздёрнул плечами.

– А то как же! Конечно, хочется.

Он взял себя за голову и откинулся на спинку скамьи.

– Ты чего?

– Голова болит.

Болезни – была единственная тема, на которую я мог говорить солидно.

– Ничего... Не с головой жить, а с добрыми людьми.

Это нянькино изречение пришлось ему, очевидно, по вкусу.

– Пожалуй, ты прав, глубокомысленный юноша. Так ты утверждаешь, что Лиза хочет за него замуж?

Я удивился:

– А как же иначе?! Как же тут не хотеть? Ты разве не видел никогда свадьбы?

– А что?

– Да ведь, будь я женщиной, я бы каждый день женился: на груди белые цветочки, банты, музыка играет, все кричат ура, на столе икры стоит вот такая коробка, и никто на тебя не кричит, если ты много съел. Я, брат, бывал на этих свадьбах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.